

ЭТИБАР МУРАДХАНЛЫ

ОКНА БАБУШКИ ФАРИДЫ

Повесть

Сколько бы ни старалась бабушка Фарида, она всю ночь не спала, даже глаз не сомкнула. Она уже собиралась заснуть, но тут раздался громкий голос молочницы:

– Есть гатыг! Гатыыг!!! Есть парное молоко! Свежее молоко!!!

Бабушка Фарида открыла рот, не открывая глаз:

– Чтоб тебя, чертовка! – она отбросила одеяло и села в постели: – Как будто глотка у нее луженая! – она потянулась и поспешила к окну: – Эй, что ты кричишь по утрам? Спать нам не даешь!

– Тетя Фарида, у меня отличный гатыг и хорошее молоко. Только что привезла из села. Поднять?

– Чтоб провалиться твоему молоку и гатыгу! Ты приехала из деревни продавать гатыг или сводить людей с ума?

Не обращая на нее внимания, продавщица гатыга обратилась к женщине, которая высунула голову из окна квартиры на третьем этаже, и ответила на ее вопрос:

– Да, да, пошли его забрать. Банки тоже пришли.

Женщина отошла от окна, чтобы отправить ребенка во двор за гатыгом.

Бабушка Фарида стала жаловаться так, будто кроме нее в комнате был кто-то еще:

– Идем, идем, с ними свяжешься, будешь на них похожа! – она раздраженно закрыла окно и вернулась в комнату. Но когда она увидела, что окно ударилось о раму и снова открылось, то забыла о молочнице: – Чтоб руки твои отсохли, будь осторожна! – сказала она и вернулась обратно.

Она включила телевизор, прошла на кухню и поставила чайник на газ. Чайник закипел, пока она готовила завтрак. Ей не хватало терпения дождаться, пока заварится чай, она налила два стакана чая и вернулась в комнату. Села перед телевизором и стала в спешке пить горячий чай:

– Пей, пей, сейчас и завтрак будет готов. – Она ударила стаканом по блюдцу. Встала и пошла на кухню. Масло в сковороде уже растаяло на слабом огне. Она разбила в сковороду два яйца и стала взбивать: – Эй, а нам этого хватит? – и сама же ответила на свой вопрос: – Хватит, конечно, хватит, мы не лошади и не верблюды. Хватит, и даже лишнее останется...

В дверь постучали. Это была Дильбер, соседка:

– Я иду за хлебом, тебе купить?

Не отвечая на вопрос, бабушка Фарида вернулась обратно, взяла кошелек, лежащий на телевизоре, и пошла обратно к входной двери:

– Возьми хороший, не пережаренный!

Она отсчитала тысячу семьсот пятьдесят манатов и отдала их Дильбер. Дильбер взяла деньги, но не отошла от порога, вопросительно глядя на бабушку Фарида. Та сразу поняла, чего хочет соседка:

– Да, он звонил, родненький. Ночью, в двенадцать часов. Мы как раз спали, когда раздался звонок. Но опоздали. Пока добежали до телефона, он звонить перестал, – придумала бабушка Фарида: – Там ведь на час позже нас наступает ночь. Родненький всегда в это время звонит.

Дильбер не поверила словам соседки. Она положила деньги в сумку и, не говоря ни слова, начала спускаться по лестнице. Бабушка Фариды поняла, что соседка ей не поверила, она не двигалась и смотрела ей вслед, пока та не скрылась внизу. С одной стороны, она обижалась на Дильбер за ее неверие, а, с другой стороны, обвиняла себя в том, что не смогла убедить свою соседку. Ведь ночью в двенадцать действительно раздался телефонный звонок. Но она не знала, Назим ли это или нет. Она помнила, что несколько лет назад Назим позвонил ей примерно в то же время – в двенадцать часов ночи. Она помнила всё явственно, словно они только что поговорили, и его голос все еще раздавался в ее ушах. Хриплый голос сына раздавался издали, будто вот-вот готов был оборваться. Назим рассказывал матери, что женился там и что дела у него идут хорошо. А бабушку Фариду больше интересовало здоровье сына и новая невестка. Хотя у Назима было не так много времени на разговоры, он ответил на все вопросы матери. Бабушка Фариды узнала, что невестку зовут Татьяна, но сын называет ее Таней. К тому же она очень красива, в ее вкусе – не голубоглазая блондинка, а белокожая, черноглазая, темноволосая...

...Потом голос сына оборвался. Он оборвался в тот момент, когда бедная женщина рассказывала Назиму о своем состоянии, о том, что у нее всё хорошо, что пенсии ей хватает, что она ни в чем не нуждается, что только по сыну и тоскует... Назим не слышал слов матери, потому что связь была прервана, но тетя Фариды этого не знала и продолжала говорить. Ей казалось, что сын втягивает в легкие каждое слово матери, как огонь, как воздух, как воду. Она даже успела сказать, что хорошо ладит с соседями, и те каждый день справляются о Назиме...

Через несколько месяцев после последнего звонка Назима бабушка Фариды получила письмо от сына. Письмо было привычного содержания, за исключением новости о том, что Назим стал отцом. Назим отправил матери снимок, на котором был он с Таней и дочерью Фаридой. А еще пятьдесят долларов...

...Запах гари вернул женщину в реальность, но на кухню она не поспешила. На самом деле это была даже не кухня. Ее муж, скончавшийся двадцать лет назад, превратил кухню в спальню, спальню в гостиную, а кухню перенес на балкон однокомнатной квартиры...

Она взяла стаканы со стола, свой и другой, и, осторожно ступая, пошла выключать газовую плиту. Дым окутал весь потолок кухни. Она открыла окно, чтобы проветрить квартиру. Забывшись, выплеснула содержимое стакана из окна во двор. Прислонилась к нижней части окна. Ей захотелось подождать, пока рассеется дым, а потом снова приготовить яичницу, но тут раздался голос Нисы – соседки с нижнего этажа:

– Что ты на ребенка чай выливаешь, старая карга?!

Она не поняла, что сказала соседка:

– Что ты говоришь? – спросила Фариды, наклоняясь вниз, будто приближая ухо к губам Нисы.

– Я говорю, слепая ты, что ли, зачем чай на голову ребенку выливаешь?! – разбушевалась Ниса. Только теперь тетя Фариды поняла, что ошиблась и вылила чай во двор, а не в раковину. Но она не подала виду:

– Да иди ты! Вместо того, чтобы кричать на весь двор, высуши ребенку голову! Чтоб тебя! – не желая слышать крика соседки, она отошла от окна: – Идем, идем, она важным человеком себя считает! Чтоб тебе провалиться! Ворона себя за важную птицу принимает!..

Она забыла приготовить омлет и прошла в гостиную. Переключила телеканал. Но не успела сесть, как в дверь постучали.

– Идем, посмотрим, что за хлеб нам купила Дильбер.

Это был почтальон. Бабушка Фариды, не говоря ни слова, смотрела ему прямо в глаза и ждала, что тот скажет.

Уже несколько лет бедная женщина ни о чем не спрашивала почтальона, боялась услышать всегдашний ответ. Это было по сердцу и почтальону. Лучше промолчать, чем сказать «нет». Даже встречаясь на улице, они ступали друг мимо друга как незнакомцы, стараясь не встречаться взглядами. Но им это давалось нелегко. Бабушке Фариде было тяжело видеть почтальона подавленным, как и тому опускать голову под вопросительным взглядом.

Но после того, как почтальон проходил, бабушка Фариде не могла удержаться от того, чтобы не обернуться ему вслед, смотреть и тяжело вздыхать. Почтальон, напротив, не осмеливался оглянуться даже после того, как отходил достаточно далеко, так как чувствовал взгляд старухи на спине неподъемным грузом...

...Молчание стало для него поводом отвести взгляд от взгляда хозяйки квартиры. Он повернулся к двери Дильбер и спросил:

– Их нет дома?

Бабушка Фариде была не в себе, как будто ее душа покинула тело и летела в небо. Она даже не слышала, что сказал почтальон. Это был первый раз за много лет, когда к ней в дверь постучал почтальон. Все ее тело тряслось от волнения, а сердце колотилось, готовое выскочить из груди. Почтальон жалел, что постучал в ее дверь. Он растерялся и не знал, что делать, как выйти из ситуации.

С первого этажа послышались шаги, и вскоре Дильбер появилась на четвертом этаже. Ее неожиданное прибытие спасло их обоих от безвыходной ситуации. Почтальон радостно подбежал к Дильбер:

– Тётя Дильбер, тебе письмо из исполкома! – сказал он, опуская руку в сумку. Не успела Дильбер взять письмо, а шаги почтальона доносились уже с первого этажа...

– Чтоб тебя! – Бабушка Фариде оставила дверь открытой и вернулась в комнату, не дожидаясь Дильбер. А Дильбер не стала ее беспокоить:

– Я положила хлеб в шкаф, – сказала она. – Хороший выбрала, будь спокойна.

Соседка осторожно закрыла за собой дверь и ушла. Бабушка Фариде встала с кресла и, волоча ноги, снова подошла к телевизору. Она не вникала в то, что идет по телевизору, не вникала, на какой канал переключает. Лишь бы дома не было мертвой тишины. Фотография ее сына, невестки и внучки опиралась на часы на телевизоре. Она взяла снимок и вернулась на свое место, но усидеть не могла. Она встала, подошла к буфету, выдвинула ящик, поискала и нашла письмо, которое ее сын послал ей несколькими годами ранее. Она открыла конверт и села в кресло.

«Привет, мама, у нас все хорошо», – впервые, читая начальное предложение письма, она удивилась этому «мы». Но сразу вспомнила, что узнала об этом до того, как прочла письмо – по звонку сына несколько месяцев назад и по фотографии, которую увидела, как только распечатала письмо. Раньше сын не присылал ей никаких фото. И в письмах писал только «Я» и говорил только от своего имени. Теперь он перешел на «мы». «Хочу, чтоб и у тебя всё было хорошо».

– Я в порядке, родной, я тоже в порядке!

«Мамочка, прости, что долго не пишу. Ведь я военный. Сам собой распорядиться не могу».

– Да простит тебя Бог, сынок! Главное – будь жив-здоров, мне этого достаточно.

«Мамочка, на этой фотографии – Таня. Настоящее ее имя – Татьяна. Но мы зовем ее Таней». Она сделала паузу в чтении и посмотрела на фото в другой руке:

– Как будто эта Таня вовсе не хохлушка. Посмотрите на ее глаза, брови, лицо, как она похожа на нас.

«Мамочка, Таня – дочь моего командира. Они, как и я, не местные, пришлые. Они приехали из Украины. Ее отец тоже остался здесь после окончания военного училища. Здесь он и женился».

Она снова сделала паузу в чтении. Отдалила фотографию от глаз и стала внимательно смотреть. Тетя Фариды была дальнотзоркой. Поэтому она держала письмо на расстоянии и продолжила читать, не глядя на бумагу: она столько раз перечитывала это письмо, что уже знала его наизусть:

«А вот эта девочка – маленькая Фариды. Я зову ее «Мать».

– Родненький, хороший мой!

«Мамочка, маленькая Фариды действительно похожа на тебя. Уже видно, что когда она вырастет, будет такой же высокой и красивой, как ты».

– Ну и ну, он прав, ей-богу, посмотри, как она похожа на меня. Погляди-ка, – она повернула картинку в сторону, как будто кому-то показывая. – Посмотри на ее глаза, посмотри на ее нос, брови, лицо, ей-богу! Волосы у нее такие же вьющиеся, как и у меня в детстве. Точь-в-точь как я, точь-в-точь, слава Творцу!..

Зазвонил телефон. Подруга сообщала, что нашла ей работу. Бабушка Фариды попросила подругу Ханым найти ей работу, чтобы она не скучала дома, чем-то себя заняла. Тетя Ханым нашла ей работу в общежитии Института политологии. Она должна будет сидеть у входа, регистрировать входящих, передавать ключи хозяевам комнат и следить за порядком в общежитии.

Она поставила фотографию на телевизор, вернула конверт на место. Не потому, что спешила, а потому, что не хотела дочитывать письмо. Она хотела продлить удовольствие от чтения письма, и хотя брала его в руки по несколько раз в день, никогда не дочитывала до конца. Внезапный звонок стал поводом...

Первый рабочий день прошел очень скучно. Сначала она познакомилась с комендантом, затем с Рахим-киши, с общежитием, и в конце со студентами. На самом деле в общежитии жили не только студенты. Были здесь и лишившиеся родного очага беженцы, бездомные выпускники и аспиранты, и даже торговцы, которые неизвестно как здесь очутились. Короче, тут царил кавардак. К удивлению бабушки Фариды, в общежитии жили и девушки...

Бабушка Фариды быстро поняла, каков Рахим-киши. Ей достаточно было провести вместе с ним час, когда она принимала смену, и десять минут, когда она ее передавала, чтобы лучше узнать этого человека: «Настоящая язва, его нарочно здесь поставили, чтобы он всем настроение портил».

Когда она принимала смену, вынуждена была терпеть его в течение часа, так как нуждалась в его помощи, но когда сдавала смену, то в такой помощи не нуждалась. Поэтому как только Рахим-киши перешагнул через порог общежития, она стала собираться. Как будто она оставила дома близкого человека без присмотра. Но Рахим-киши не позволил ей так быстро покинуть общежитие. Он проверил все – от ключей до метел, от стола и стульев в коридоре до оборудования в ванной. Затем подписал свой журнал и отстал от женщины.

Выйдя из общежития, бабушка Фариды почувствовала себя так, словно с ее плеч сняли тяжелую ношу. Она поспешила в квартиру, которую вчера оставила, к своей покинутой воображаемой подруге. Со вчерашнего дня все ее мысли были о ней. Она даже несколько раз за ночь звонила в свою пустующую квартиру и прислушивалась к печальным звукам оставшихся без ответа сигналов. Эти долгие гудки будто возвращали бабушку Фариду в ее квартиру к оставленной там воображаемой подруге...

– Ну, привет, – она положила наплечную сумку на шкаф, как только вошла. После долгих блужданий по гостиной, спальне и кухне вернулась в коридор. Закрыла дверь и заперла ее изнутри. Сняла пальто, повесила на вешалку и прошла на кухню со словами: – Идем, пошли, приготовим еду.

Прежде чем включить газ, открыла окно и осмотрела двор. Дети тащили свои сумки в школу. Тахир-муаллим, преподающий русский язык в университете, стоял во дворе и давал какие-то инструкции своей жене, которая смотрела из окна, маклер Ханлар листал свою записную книжку, прохаживаясь по двору.

...Она налила две чашки чая и поставила их на узкий стол в кухне. Протерла оконное стекло как снаружи, так и изнутри. Придвинула табуретку и села перед окном. Продолжая поглядывать во двор, налила чай в блюдце и стала попивать.

– Господи, я забыла сделать покупки! – она встала и, продолжая ворчать, пошла к холодильнику. – Остались яйца?

В холодильнике осталось два яйца. Она всегда покупала четное количество яиц, как обычно для двоих.

– Хватит, – она набрала воды из-под крана в алюминиевую кастрюлю с яйцами, включила газ и поставила кастрюлю на огонь. Сполоснула стаканы и снова села перед окном. Она не спала вечером, поэтому после еды собиралась прилечь в спальне. Но почему-то не торопилась. Когда яйца были уже готовы, она к ним долго еще не при-трагивалась. Придя в себя от дум, положила одно из яиц на тарелку перед собой. Продолжая поглядывать во двор, очистила его.

– Не пришла, нет, должно быть, дела вышли, – бабушка Фарида ждала прихода молочницы. Было уже четверть десятого. Молочница обычно приходила в четверть девятого. Бабушка Фарида привыкла к ее зычному голосу. Тетя Фарида просыпалась до прихода молочницы, но не вставала с постели, пока не раздавался ее зычный голос: «Гатыг, свежий гатыыг!».

Она положила яйцо и съела его без хлеба. Когда она убирала яичную скорлупу со стола, то отправила в мусорное ведро вместе со скорлупой и второе, несъеденное яйцо. Часы показывали без четверти десять.

– Идем, пошли спать, ее что-то не видать, – убедившись, что молочница не придет, она пошла в спальню...

Как только Рахим-киши вошел в дверь, он посмотрел на часы – три минуты девятого. Бабушка Фарида опоздала ровно на три минуты. Рахим-киши не учел, что его напарница недавно устроилась на работу:

– Ты опаздываешь... опаздываешь! Старайся приходить на работу вовремя!

Бабушке Фариде казалось, что она опоздала ненамного. Потому что долго стояла перед окном, смотрела во двор перед тем, как выйти, а потом задержалась во дворе. Почему-то она никак не могла уйти, не увидев молочницу. К тому же хорошо зная, что до ее прихода осталось еще минут пятнадцать-двадцать...

Бабушка Фарида была пунктуальной, она не любила носить часы, знала точное время и без часов, могла даже проснуться в любой час. Вчера она крепко спала, а вечером встала с постели в шесть часов и навестила свою соседку Дильбер. Они разговаривали на пороге. Бабушка Фарида будто вернулась из долгой поездки, ей стало любопытно, что происходило во дворе днем, пока ее не было дома, и она расспрашивала обо всех, кого знала по соседству. Дильбер неспеша ответила на все вопросы своей соседки, будто отчитывалась, а затем сама стала задавать вопросы о новой работе бабушки Фарида. Бабушка Фарида начала с вещей, которые ей не понравились, рассказала о Рахим-киши, рассказала всё, что думала об этом человеке, с которым вчера впервые познакомилась.

...Она продолжила читать письмо сына с того места, где вчера остановилась.

«Я объяснил Тане значение слова «анам». После этого она называет ребенка «Анна».

– Анам, Аннам... Анна, – сказала бабушка Фариды, снова отодвигая изображение от лица, и стала внимательно смотреть на него, как если бы продевала нитку в игольное ушко.

– Анна, Анна... точь-в-точь как Назим в детстве. – Она встала, взяла семейный альбом с буфета, поискала и нашла несколько детских фотографий Назима. Она поместила фотографию внучки в центр и разложила фотографии Назима вокруг нее.

– Смотри, смотри, точно как Назим в детстве! – сказала она, вжавшись в кресло. Как будто кто-то тронул ее за плечо и попросил отойти в сторону, чтобы посмотреть.

– Похожа? – спросила она.

– Еще бы, – ответила она себе. – Как две капли воды. – прошептала она.

Она продолжила читать письмо, не сводя глаз с фотографий: «И мой тесть, и мои друзья зовут Фариду Анной. Но иногда еще называют «Фарда». Тесть любит называть ее «мамочка», потому что знает значение слова «анам»...

...Бабушка Фариды не сдержалась, когда увидела, что Рахим-киши попрекает ее всего за три минуты опоздания:

– Опаздываешь, опаздываешь, ты что – шестимесячный?! Если уйдешь на три минуты позже, погоны у тебя не упадут!

Когда Рахим-киши увидел, что встретил не робкого десятка женщину, он не стал затягивать разговор:

– Ладно, ладно, женщина, хватит ругаться, мне некогда с тобой лясать. Иди, прими смену, – сказал он, оперся на колени и встал. Так же, как вчера он принял смену и расписался, так и сегодня он сдал все одно за другим и пододвинул журнал к бабушке Фариде. Он взял книгу со стола и положил в командирский портфель, который вынул из ящика, а портфель сунул в сумку, где носил обед. – Будь осторожна!

Он дал свои последние инструкции и покинул общежитие. Внимание бабушки Фариды привлек его командирский портфель. Еще со времени учебы Назима в военном училище она с уважением относилась к военным и с интересом следила за всеми военными передачами. Увидев солдатскую сумку Рахим-киши, она заинтересовалась своим сменщиком. Как только прибыл комендант, она расспросила его об этом человеке. Выяснилось, что Рахим-киши действительно был военным, тридцать лет прослужил в советской армии, дослужился до звания полковника, после выхода на пенсию вернулся на родину и устроился дежурным в общежитии, чтобы не было скучно. По словам коменданта, с первого же дня работы он пытался навести в общежитии военный распорядок и дисциплину. Поэтому сначала этого сурового и чрезвычайно серьезного по натуре человека невзлюбили, но позже, когда постояльцы узнали его характер, узнали, что он благородный, добросердечный, простой и, главное, мужественный, вот тогда все к нему привязались. По словам коменданта, именно благодаря Рахим-киши он смог навести порядок в общежитии.

...Бабушке Фариде казалось, что ее коллега опаздывает, но Рахим-киши пришел вовремя. Почему-то сегодня домой она не спешила. После вчерашних слов коменданта ей хотелось больше общаться с сослуживцем, больше говорить с ним. Она видела в нем своего сына и представляла старость сына в лице Рахим-киши. Но Рахим-киши не дал ей такого шанса. Как будто все в этом человеке шло по определенному плану: в соответствии с процедурой было сдано и получено оборудование; журнал подписан; бабушка Фариды взяла сумку и закрыла дверь снаружи; под впечатлением от Рахим-киши она отдалась от общежития. Она хотела забыть своего сослуживца, чтобы избавиться от напряжения, и тут вспомнила молочницу. Дильбер сказала, что и вчера ее никто не видел.

Бабушка Фариды поспешила домой, чтобы, может, сегодня разузнать что-нибудь о молочнице. Осень давно миновала, прошла и большая часть зимы. Но почему-

то все еще не ощущалось зимы, погода была такая же солнечная и теплая, как весной. Бабушка Фариды всегда привыкла видеть солнце в своих окнах. Она даже переговаривалась с ним.

– Ну что, пришло?! Доброе утро, спасибо, что это утро принесло с собой, – а потом начинала жаловаться: – Желая, чтобы ты однажды принесло моих родных, – она приветственно открывала окна, будто кого-то впускала в квартиру: – Заходи, заходи, добро пожаловать!..

Сегодня серое облако скрыло Солнце, но не смогло скрыть целиком. Но облака, плывущие с севера, хотели скрыть от Баку и эти редкие лучи. А Солнце искало и находило себе местечко, откуда распространяло свои золотые лучи на Каспийское море, на древние постройки Баку...

Бабушка Фариды зимой и весной, несмотря на жару и холод, как только вставала с постели, открывала кухонные окна, выходящие во двор, открывала двери комнат, выходящие на балкон, и проветривала квартиру. Затем она сидела перед окнами, часами смотрела во двор и беседовала со своей воображаемой подругой. Фактически подругой бабушки – плодом ее воображения – была она сама или ее двойник. Но кем бы она ни была, бабушка не могла представить себя без нее. Она советовалась с ней по всем вопросам, принимала ее мнение во внимание во всем, что делала, и даже когда ходила по магазинам, спрашивала, нравится ли ей то, что она покупает, то есть считалась с ней во всем. Даже когда она возвращала покупку, говорила: «Нет, нет, нам это не понравилось», «Это нас не устраивает», – говорила от имени двух человек. Иногда она злилась на подругу, проклинала, некоторое время не разговаривала с ней, обижалась, но это длилось недолго. Даже в эти гневные моменты искала предлог, чтобы помириться, и как только у нее появлялась возможность, она возлагала на нее все грехи и, наконец, провозглашала мир: «Что ж, давай помиримся!»

...Как только бабушка Фариды вошла в квартиру, она открыла окна, но молочницы во дворе не увидела. Она пришла, когда бабушка Фариды включила телевизор. Но почему-то, как обычно, не будила соседей, не звала клиентов, как будто у бедняжки пропал голос. Она выставила банки с молоком и гатыгом на тротуаре, приложила руку козырьком ко лбу и смотрела на верхние этажи.

– Эй, ты чего молчишь, что случилось? – бабушка Фариды не скрывала своего удивления.

– Бабушка Фариды, тебе что-нибудь нужно, принести? – ответила женщина вопросом на вопрос. Бабушка Фариды сразу почувствовала настроение молочницы – ее было еле слышно. Она проявила упорство, хотела получить ответ на свой вопрос:

– Что там у тебя? Выглядишь неважно.

– Да ничего, бабушка Фариды, немного простыла.

К молочнице подходили клиенты. Бабушка Фариды не отходила от окна, пока они делали покупки. Молочница положила оставшиеся баночки в сумку и обратилась к бабушке Фариде:

– Что ж, бабушка Фариды, посмотрю, смогу ли продать остальное в другом дворе, – сказала она, поднимая свои сумки. Но прежде чем успела сделать шаг или два, почувствовала головокружение, поставила сумку на асфальт, оперлась на колени и осталась в согнутом положении. Она жадно дышала, будто ей не хватало воздуха. Бабушка Фариды только сейчас вспомнила, что должна купить молоко:

– Подожди, куда бежишь? Я ведь собиралась купить молока, – крикнула она. Молочница грузно осела наземь и подняла лицо:

– Сколько литров ты хочешь? – спросила она.

Бабушка Фариды покупала молочные изделия один или два раза в неделю. Молочница в таком случае оставляла свою сумку во дворе и поднимала банки на четвертый этаж, в квартиру своей клиентки. Сегодня она не собиралась покупать молоко, просто хотела чем-то поддержать молочницу:

– Подожди, подожди, я сама спущусь. Мне все равно надо было за хлебом, – бабушка ловко сбежала по лестнице с резвостью юной девушки. Молочница сидела на асфальте рядом со своей сумкой и ждала. Бабушка Фариди посмотрела ей прямо в глаза. Глаза бедняжки горели – были краснее красного. Бабушка села напротив нее на корточки и провела тыльной стороной ладони по лбу молочницы:

– Что с тобой? Тебя лихорадит! – она провела рукой по ее плечам и взяла ее ладони в свои: – Ты чего вышла на улицу в таком состоянии? Сидела бы дома!

Молочница не стала поддаваться:

– Эх, бабушка Фариди, мне становится только хуже, когда я сижу дома. Грипп для меня не болезнь.

– Вставай, вставай, пойдем со мной, выпьешь чашку чая с кизилевым вареньем.

Молочница заявила, что еще не распродала свой товар, но бабушка Фариди не сдалась, взяла ее за руку и повела к себе. Как только они вошли, еще не сняв обуви, бабушка спросила:

– Как тебя зовут?

– Тахира, – ответила молочница, следуя за хозяйкой не снимая пальто. Бабушка Фариди велела ей присесть и пошла на кухню:

– Сахира, поэтому тебя два дня уже не видать? – услышался голос бабушки Фариди из кухни. Спустя минуту она вернулась в комнату со стаканом чая в одной руке и вареньем в другой. Тахира поправила хозяйку, прежде чем ответить на вопрос:

– Только не Сахира, бабушка Фариди, а Тахира.

– Что...Сахира?... Да-да, я так и говорю, Сахира...

Видя, что бабушка не понимает ее, Тахира, за неимением терпения на долгие объяснения, перешла к ответу на вопрос:

– Нет, бабушка Фариди, нет. У меня беды не только из-за болезни.

– А что с тобой случилось? – хозяйка под села к ней поближе.

– Армяне... армяне убили моего брата, бабушка Фариди! – она тут же расплакалась.

– Чтооо, убили твоего брата?!

Тахира пояснила, что армяне часто совершают вооруженные нападения на села и районы Карабаха, нападают на население и забирают их имущество. С помощью советских военных они убивают выступающих против них безоружных азербайджанцев. У брата Тахиры иссякло терпение, и он сформировал небольшую группу деревенской молодежи для защиты своих деревень от армянских бандитов...

Тахира не могла успокоиться. Рассказывая о преступлениях, совершенных армянами, она все больше волновалась и плакала. Хозяйка не пыталась успокоить гостью, хотела, чтобы та выплакалась и вздохнула с облегчением, она лишь с удивлением слушала гостью. Она не могла поверить, что советская армия, где служил ее сын и которой посвятил всю жизнь Рахим-киши, объединившись с армянами, допускает такую несправедливость по отношению к азербайджанцам...

Тахира встала, не выпив чаю, как будто пришла сюда только для того, чтобы выговориться о своем горе. Бабушка Фариди не стала ее удерживать, но сказала, что купит все ее молоко и гатыг. Она немедленно вынула из сумочки деньги и заплатила за них, несмотря на протесты Тахиры. Она рассказала Тахире о своих рабочих днях, а затем предложила привезти остальные вещи в общежитие. Бабушка Фариди сама бы продавала продукты, а на следующий день отдавала бы деньги Тахире...

Ей не хотелось ни спать, ни есть. Она взяла со стола фотографии, лежавшие там со вчерашнего дня, и стала их тасовать, будто раздавала карты. Выстроила в ряд фотографии Назима в военной форме, когда тот был еще студентом. Отдельная фотография сына, фотография сына с несколькими друзьями, сын с полком в строю, сын с советскими солдатами...

«Гуманная» Советская армия, убившая сотни невинных людей на улицах Баку! Советская армия, которая участвовала в бесчисленных преступлениях, совершенных армянами в Карабахе, лила воду на армянскую мельницу...

Назим с детства говорил, что будет солдатом, и по мере того, как он рос, он хотел стать командиром, а затем генералом. И его отец, и бабушка Фарида радовались этому желанию. В основном потому, что он интересовался военным делом ради защиты Родины. Но армия, в которую он верил, посвятил всю свою молодость и способности, теперь помогала армянским бандитам, продавала его родину врагу...

«Мама, что касается меня, я в порядке. Моя работа продвигается очень хорошо. Сейчас я командир роты в звании капитана».

– Эх, ни командиром, ни капитаном, быть бы тебе солдатом, сынок, рядовым солдатом. Но на родине, в Азербайджане...

«Мама, здесь обо мне очень заботятся. И всегда уважают, как хорошего военного, образованного специалиста».

– О каком уважении ты говоришь, сынок, родненький?! Разве не ваша армия залила кровью улицы Баку?!

«Мои командиры тоже верят в мое будущее. Дай Бог, ты скоро увидишь перед собой молодого генерала».

– Я хотела бы видеть солдата, а не генерала, сынок, рядового солдата. Смелого солдата, способного постоять за свою страну, способного умереть за нее, солдата, у которого хватит смелости сделать это! – сказала бабушка Фарида и утерла слезы с глаз.

«Мамочка, в ближайшие дни я поеду за границу в командировку. Мы должны вывести наши войска из зарубежных стран».

– Желаю, чтоб и ты вернулся на родину...

«Возможно, я не смогу писать и звонить тебе какое-то время. Не волнуйся, даст Бог, я позвоню, как только вернусь».

– Дай Бог, милый, дай Бог. Но почему-то Всевышний всё еще не позволяет, испытывает нас...

В дверь постучали. Это была Дильбер. Хотя бабушка Фарида не спала ночью, потому что была на работе, она не собиралась отсыпаться весь день. Она поговорила сначала со своей соседкой, а затем с воображаемой подругой. Она выразила недовольство своей судьбой и сыном, на что никогда не жаловалась. Заплакала. Она плакала слезами, которых никто не видел за всю ее семидесятилетнюю жизнь...

Они уже подружились с Рахим-киши. Бывший военный уже не спешил сдать очередь и идти домой, он задерживался не меньше, чем на полчаса, беседовал с бабушкой Фаридой, рассказывая о своей жизни, о прошлом и будущем. Бабушка Фарида также была рада ответить на все вопросы Рахим-киши о себе и своем сыне, о частых звонках, письмах Назима и деньгах, которые он ей присылал в начале каждого месяца. Их разговоры были полны жалоб на время, в котором им выпало жить. Рахим-киши никак не мог поверить в то, что советская армия учинила в Карабахе, объединившись с армянами, и назвал события 20 января в Баку недоразумением. Хотя у него не хватало смелости признать это, в его глазах отчетливо читалось глубокое сожаление о том, что он отдал свою жизнь советской армии.

В последние дни он более аккуратно одевался, будто назло кому-то носил на пиджаке все медали, полученные им на военной службе. Он все более и более мрачнел, у него часто схватывало сердце. Но никогда ни на что не жаловался, не признавал, что у него болит сердце.

...Рахим-киши сказал бабушке Фариде, что спит очень чутко, но не говорил, что спит с открытыми глазами. Теперь, когда она увидела его таким, подумала, что Рахим именно это и имел в виду. Но всё-таки удивилась. Обычно к тому времени, когда приходила бабушка Фарида, Рахим-киши был уже полностью готов и дожидался ее, прохаживаясь по фойе. Но сейчас почему-то он слегка опирался на стул, на котором сидел, и, положив руки на стол, как школьник, смотрел куда-то в потолок, спал с открытыми глазами.

Бабушка Фарида подумала, что Рахим-киши от усталости и волнения уснул прямо на рабочем месте, и потому не стала его будить. Осторожно перекинув сумку через спинку стула, она начала принимать смену, как ее учил Рахим-киши. Все было в порядке. Она молча подошла и села напротив своего товарища. «Как же он устал, что все еще не может проснуться», – подумала она.

– Вставай, вставай, ай, киши, дома нормально поспишь, – тревожно прошептала бабушка Фарида. Когда она увидела, что мужчина не издал ни звука, она слегка прикоснулась кончиками пальцев к его груди: – Рахим-киши, ай, Рахим-киши!..

Рахим-киши был подобен статуе – его грудь была слегка выдвинута вперед, голова высоко поднята, а ледяной взгляд устремлен в потолок.

Бабушка Фарида испугалась:

– Рахим, Рахим! – она выпрямилась, потянулась вперед и посмотрела в уже потускневшие голубые глаза мужчины, подернутые легкой влагой.

– Рахим, я с тобой, Рахим?.. Ааа... что это с ним?! – она схватилась за воротник пиджака и встряхнула его. Лишившись опоры, шея Рахим-киши откинулась назад, его руки скользнули по столу и упали по бокам. Бабушка Фарида в глубине его застывших зрачков увидела, что этот человек давно уже мертв.

– Рахим... Рахим! – рухнула она на сиденье. Она зажала руками рот и беззвучно зарыдала... Рахим-киши умер на ногах, на службе, гордо, как настоящий военный.

Через некоторое время пришел комендант. Все жители общежития устремились в вестибюль на первом этаже. Приехала скорая помощь. Мужчину осторожно подняли со стула и положили на носилки. Бабушка Фарида подошла и села рядом с ним на корточки. Она провела дрожащими руками по его лицу и закрыла ему глаза. Расправила на нем пиджак. Уложила руки с посиневшими венами у него на груди. Поправила медали, которые он получил за свою службу...

Вот так подошла к концу жизнь Рахим-киши, посвятившего свою жизнь советской армии и дослужившегося до звания полковника. Жизнь советского солдата, гордившегося своей службой в армии, в силу и справедливость которой он верил, закончилась в общежитии Азербайджанского института политологии...

...А глаза ему закрыла азербайджанская мать офицера советской армии, которая дожидалась своего сына, идущего по стопам Рахим-киши.

...А гроб вместе с азербайджанскими студентами несли студенты из разных республик, приехавшие в Азербайджан учиться...

Бабушка Фарида подала заявление об уходе. Она устроилась на работу, чтобы забыть о своих заботах и чем-то занять себя, но вышло иначе. Она поняла, что легче сидеть дома и думать о себе, своей воображаемой подруге, сыне, соседях, своем маленьком дворике, чем беспокоиться обо всем обществе... Не дожидаясь того, принял или нет комендант ее заявление, она решительно покинула общежитие.

«Я так хочу тебя увидеть, мамочка! Родная моя, береги себя!..»

...В дверь постучали. Бабушка Фарида, не дочитав последние предложения, положила письмо на стол. Это был почтальон. Бедная женщина пожалела, что открыла дверь. Она больше ничего не ждала от почтальона, но после встречи с ним приходила в себя только спустя день. Не говоря ни слова, она стояла на пороге, ожидая, что скажет, кого спросит почтальон. А почтальон будто онемел, но глаза у него горели. Он протянул дрожащей рукой письмо:

– Бабушка Фарида, бабушка Фарида, бабушка Фарида! – воскликнул он. Он не мог сказать больше ни слова. Тетя Фарида посмотрела в его полные слез глаза и письмо в руке и невольно сделала шаг назад:

– Письмо, а кому это письмо?! – хриплым голосом спросила она.

– Это от Назима, бабушка Фарида, от Назима!

Он не двинулся с места. Радость на его лице внезапно сменилась серьезным выражением. Как будто случилось что-то привычное, каждодневное.

– Спасибо, сынок, спасибо! – только и смогла она сказать.

Почтальон вложил письмо в руку бабушки Фарида. И радостно сбежал по лестнице, как ребенок, бегущий навстречу отцу, вернувшемуся из дальней поездки. Бабушка Фарида даже дверь забыла закрыть. Она прижимала письмо к груди так, словно обнимала самого Назима. Она еле-еле добежала до дивана. Слезы текли из ее закрытых глаз по подрагивающим щекам, как прозрачные капли, стекающие по оконным стеклам в дождливую погоду...

Бабушка Фарида не теряла надежды. Она верила, что однажды увидит своего сына, услышит его голос и прочитает написанные им новые строки, но понятия не имела, как проживет эти моменты. По ее мнению, именно тогда она вкусит настоящее счастье, тогда его узнает. И она не могла представить себе, что такое счастье, пока не попробовала его, не почувствовала всем своим существом... Она не могла представить, что счастье можно испытать со слезами, биением сердца, дрожащими губами, парящим невесомым телом.

... – Что такое мама, мамочка?

– Мать – это женщина, которая рождает человека, дает ему жизнь, кормит его грудью, воспитывает и заботится о нем.

– Родина – тоже женщина? – Назим схватил маму за плечи маленькими ручонками и залез ей на руки, будто взбирался на дерево.

– Нет, сынок, родина – это родина. Родина – это страна, в которой мы родились и выросли, земля, по которой мы ходим, страна, плоды которой мы едим и чьи соблюдаем законы! Родина – это много чего, сынок, наш дом – Родина, наш двор – Родина, наш район – Родина, и наш город тоже...

– Наша школа тоже? – спросил Назим, перебив мать.

– Конечно, Назим, ваша школа и даже классная комната – это тоже Родина.

– Моя учительница говорит, что Родина – мать, – этот разговор произошел, когда ее сын учился в первом классе. В то время Назим задавал тысячу вопросов обо всем, что видел и слышал, и не отставал от матери, пока не получал нужного ответа. Но он не удовлетворялся ответами матери, и когда вечером приходил домой отец, он задавал ему те же вопросы. Когда ответы различались, он загонял их обоих в угол со словами: «А мама говорит иначе... Папа говорит другое».

– Да, сынок, они похожи, потому что Родина священна, как мать, а мать священна, как Родина. Есть то, что может дать человеку только мать, а есть то, что может дать только Родина. Как мать дает тебе жизнь и молоко из груди, так и Родина дает тебе место на своей груди, дает воздух и воду...

Поэтому и Родина, и мать святы и дороги. Но любить их надо безвозмездно!..

Бабушка Фарида немного разволновалась. Но вечером отец попытался объяснить Назиму все это попроще...

«Здравствуй, мамочка!» – тетя Фарида перечитала эти слова несколько раз. Но она не смогла читать дальше, потому что глаза наполнились слезами. Детство Назима снова ожило в ее памяти.

– Мама, лучше быть солдатом или милицейским?

– Оба хороши, сынок.

– А ученым?

– Ученый тоже хорош.

– Отец говорит, что все трое солдаты...

– Это правда, Назим, каждый так или иначе служит Родине. Ученый служит своей наукой. Он тоже солдат Родины в области науки.

– Нет, мама, я хочу быть солдатом с автоматом! – сказал Назим, стреляя из своего игрушечного автомата по воображаемым врагам.

«Я в порядке, мамочка. Но я не знаю, как ты, здорова ли, больна, голодна или сыта».

– Я тоже в порядке, родненький, я тоже в порядке. Главное, чтоб у тебя все было хорошо.

«Прости меня, мама, за то, что я не могу быть с тобой в эти ужасные минуты, за то, что не смог вовремя позаботиться о тебе, за то, что не смог утереть твои слезы...»

– Сыночек, родной! – до сего дня никто не видел, чтобы бабушка Фарида плакала или на что-то жаловалась. Многие знали ее как сильную, волевою женщину. Бабушка Фарида проявляла стойкость даже в самые грустные моменты, проявляла железную волю. А теперь, читая каждое предложение своего сына, она утирала слезы, хлынувшие фонтаном, и только после этого могла продолжать чтение.

«Я все знаю, мама, все. Беспорядки на улицах Баку, убийство армянами невинных азербайджанцев в Карабахе, изгнание людей из их отчих домов, вторжение армян на мою Родину с помощью советской армии, в которой служу и я, я знаю обо всех событиях на Родине...»

– Знаешь, сынок, знаешь. Но почему-то все еще оставляешь мать в тягостном ожидании. Твоя мать все еще ожидает тебя в тревоге, вздрагивая от каждого шороха. Каждый раз, когда в дверь стучатся, она вздрагивает, думая, что это ты! – рыдалась бабушка Фарида. – Ради этого ты учился, Назим? – попыталась она подавить рыдания. – Ради этого ты хотел стать солдатом, сынок? – она прикрыла рот дрожащими пальцами. – Типун тебе на язык! – она закрыла лицо письмом, будто стыдясь, спрятала глаза за листком бумаги, будто не хотела, чтобы кто-то видел ее в слезах.

– Мой солдат, сынок, мой ребенок!.. – ее рыдания прекратились. Но она не стала убирать письмо от лица.

«Я очень люблю весну, но также люблю лето. Осень тоже, но я меньше люблю осень, потому что после осени наступает зима. Я вообще не люблю зиму, потому что у наших солдат зимой мерзнут руки. Они не могут хорошо защищать свою родину, потому что им холодно». Назим написал это сочинение на тему «Мое любимое время года», когда учился в четвертом классе, но получил тройку за свою работу, а затем пришел домой, плача, и пожаловался матери. Когда его мать выразила свое возмущение, учительница упрекнула Назима за то, что он вышел за рамки темы и все свои сочинения так или иначе связывал с солдатами.

«Вот почему я и другие азербайджанские офицеры отказались служить в советской армии, мама. Они мешают нам вернуться в Азербайджан, но мы все равно вернемся, мама, обязательно вернемся! Мы все скоро вернемся. Мы спасем нашу Родину от врага и освободим наши земли!»

По мере того, как текли ее слезы, боль утихала, она плакала и ей становилось легче. Она радовалась, гордилась. Она гордилась тем, что сын слышит ее, знает ее боль и живет с желанием прийти к ней, увидеть, залечить раны. Она гордилась тем, что вырастила такого сына, как Назим. Она гордилась тем, что сын не оставит ее в беде.

«Будь жива-здорова, мое единственное желание – приехать и увидеть тебя живой и невредимой, мама! Береги себя! Дай Бог, увидимся в ближайшее время. Твой сын Назим».

Она почувствовала легкий ветерок, после чего захлопнулась дверь.

Только сейчас бабушка Фарида вспомнила, что забыла закрыть дверь, получив письмо от почтальона. Когда она встала, чтобы закрыть дверь, внезапно чихнула.

– Будь здорова, – сказала она, снова садясь в кресло.

– Спасибо, – она постучала сомкнутой рукой по груди, чтобы чихнуть во второй раз. Не смогла этого сделать, вынула платок, вытерла лицо, встала и заперла дверь.

Войдя в комнату, услышала звук льющейся воды из ванной. Посмотрела на настенные часы, висящие среди увеличенных детских и юношеских фотографий Назима. Было шесть ровно. Бабушка Фарида, будучи дома, всегда держала кран открытым, чтобы услышать шум воды, как только ее дадут. Она сначала мыла посуду и стирала одежду, а потом купалась сама. Она прошла в ванную. Хотя обычно она мылась горячей водой, сейчас включила холодную воду. Неспешно умылась и совершила ритуальное омовение – гусул. После купания она всегда сушила волосы феном, а потом пила горячий чай. На этот раз она просто слегка высушила волосы полотенцем. О чае она даже не вспомнила. Она взяла ножницы и состригла ногти на руках и ногах. Потом прошла в спальню и сменила простыни и наволочки.

Затем вернулась в гостиную, принесла семейный альбом и положила его на журнальный столик.

– Это мой покойный отец! – стала она по очереди представлять всех своих родственников, словно знакомых кого-то с членами своей семьи: – А это моя покойная мама! – она совершила салават и шепотом помолилась: – Да упокоит Аллах их души. – Закончив фразу, сразу воскликнула: – А это мой несчастный брат!

В горле встал ком. Ее старший брат умер еще подростком. Затем она представила своего брата, живущего в Гяндже, и членов его семьи. Когда настала очередь смуглого человека средних лет с тонкими усиками и мягкой улыбкой на лице, она тоже слегка улыбнулась и покачала головой. Она посмотрела на портрет своего супруга, висящий на стене рядом с фотографиями Назима. Этот портрет был скопирован с фотографии, которую она сейчас держала в руках. Отец Назима умер, когда тот был еще студентом. Перед годовщиной со дня его смерти Назим заказал его портрет и повесил на стену. Она перелистывала страницы альбома и одного за другим представляла всех своих родственников. Словно прощаясь, она разговаривала с ними. Затем снова взяла письма Назима и прочитала каждое по несколько раз. Она аккуратно сложила фотографии в альбом, положила их в ящик буфета, а письма положила сверху...

Было уже за полночь, вот так прошел еще один день ее жизни. Словно не зная, что делать, она прошлась по комнате, по кухне, затем пошла в спальню, встала у изголовья кровати и на пару мгновений ушла в думы.

– Идем, пошли, пошли, – сказала она, возвращаясь к входной двери. – Лучше оставить дверь открытой, – сказала она, отпирая ее, словно ожидая кого-то. Но не распахнула дверь, а оставила ее прикрытой и вернулась на кухню. Она встала перед окном и стала смотреть на темный двор. Это заняло много времени...

– Иду, иду! – сказала она, внезапно очнувшись, как будто кто-то ее позвал, убрала лоб от холодного стекла и обернулась.

– Иду, иду, сейчас! – она обернулась и снова посмотрела во двор. Распахнула окна и оставила их открытыми.

– Я иду... иду!.. – Она отступила на шаг, не отрывая глаз от окна. Из окна, будто из глубокого колодца, смотрела женщина с бледным лицом, с болью и утешением, страхом и уверенностью, тоской и любовью в глазах она смотрела прямо в ее глаза. Эта женщина в белой ночной рубашке с редящими белоснежными волосами была ее отражением в окне...

Она прошла в комнату. Походила туда-сюда, словно вспоминая, что делать. Открыла ящик серванта, взяла небольшую аптечную коробку и вернулась в спальню.

«...Мое единственное желание – приехать и увидеть тебя в целости и сохранности, мама». Она прошептала последние строки из письма сына. Воздела руки к небу и сказала:

– Не отказывай в милости моему сыну, Господи! Прости его грехи! Дай ему возможность проявить себя как сына!!! – взмолилась она. Она сделала шаг вперед, как будто увидела перед собой Назима, и остановилась. Прошептала еле слышным голосом: – Прости меня, сынок! Прости, что не смогу осуществить твое желание. – Она закрыла глаза и положила руки на грудь: – Прости, чтобы больше не смогу погладить твои вьющиеся черные волосы, не смогу снова поцеловать твои невинные глаза, мой солдатик!..

Она встала и села в своей кровати, обратившись лицом к кибле:

– Открой мне дверь милосердия, Господи! – она подняла руки и снова взмолилась. Она поискала и нашла в аптечной коробке марлю, свела ноги вместе и крепко связала большие пальцы ног. Легла спиной на мягкий матрац, который только что застелила. Как только она закрыла глаза, слезинка капнула с ее ресниц, скатилась по щекам, упала на белоснежную подушку и стала расплзаться... – «Мы отказались служить в советской армии, мама. Но они не дают нам вернуться в Азербайджан. Мы вернемся, несмотря ни на что, мама, обязательно вернемся. Мы все скоро вернемся. Мы спасем Родину от врага, мы освободим наши земли...», – прошептала она еле слышно. Глубоко вздохнула. Словно отвечая на слова сына, сказала хриплым голосом: – Укрой меня, сынок! – и натянула одеяло на голову. Она осторожно спустила руки под одеялом, чтобы оно не соскользнуло. Дрожавший голос эхом разнесся по комнате, как слабая музыка:

– Ашхадуанлаилахаиллаллах! Ашхаду анна Мухаммадан Расуллаллах! Ашаду анна Амир аль-мумининАлиянвалийуллах!..

Снег в Баку выпадал редко, но он таял, как только ложился на землю. Только тротуары там и сям были засыпаны снегом. Тахира спешила во двор бабушки Фариды, крепко держась за свои тяжелые сумки, чтобы не поскользнуться...

...Она достала банки и разложила их одну за другой на тротуаре. Положила руку на лоб козырьком и оглядела балконы пятиэтажного дома. Никого не было видно. Кажется, сегодняшний снег проник и в сны жителей двора. Она решила подождать. Все уже знали, что она придет. Сейчас они спустятся по одному, вернут банки, которые взяли вчера, возьмут новые и поспешат в свои квартиры. Но Тахира ждала, когда в окне появится бабушка Фариды. Сегодня она не стала бы ничего покупать. Но обязательно должна была показаться в окне. Попрошавшись с последним клиентом, Тахира подумала про себя: «Наверное, она не дома». Она сложила пустые банки в сумку, взяла уже облегченный багаж и пошла к автобусной остановке. Но сделав несколько шагов, остановилась. Она еще раз обернулась и посмотрела на окна бабушки Фариды, чтобы убедиться в ее отсутствии. Бабушка Фариды была там, в белой ночной рубашке, с непокрытой головой, она стояла у открытого окна и смотрела на Тахиру. Положив сумки на асфальт, Тахира обернулась к бабушке Фариде. Та стояла, слегка склонив шею и сложив руки на груди. Тахира была удивлена. Она не могла поверить, что бабушка Фариды молчит, никого не ругает. Как будто это почувствовала и сама бабушка Фариды. Она осторожно подняла правую руку, и рукав ее рубашки соскользнул и упал ей на локоть. Она слегка махнула рукой в воздухе. Тахире показалось, что бабушка Фариды зовет ее вверх. Она оставила свои сумки во дворе и поспешила в квартиру подруги...

Светало. Солдат в военно-полевой форме поднимался по лестнице, перешагивая через ступеньки, и остановился у дверей бабушки Фариды. Солдат, чьи глаза прослезились от радости, поспешно нажал кнопку звонка, но дверь не открыли. Солдат подумал, что бабушка Фарида еще в постели, и начал стучать в дверь, даже не думая, что потревожит соседей. Изнутри не доносилось ни звука. С сумкой на плече он расстроено спустился во двор. Стоя на тротуаре, он смотрел на окна четвертого этажа. Окна были черным-черны, будто занавешены черной занавеской. Как только восходило солнце, оно обычно первым отражалось в этом окне. Но до рассвета еще было время...

... – Что ты рисуешь, Анночка?

– Я назвала этот рисунок «Окна бабушки Фариды».

Девочка передала отцу рисунок дома.

– Но ведь ты никогда не видела бабушкиного дома, дочка! – сказал он, удивленно глядя на рисунок ребенка.

– Видела, папа, – сказала дочь, качая головой и убирая волосы с лица. Она прищурила глаза, словно вспоминая то, что видела, и уставилась в какую-то точку: – Я видела ее во сне. – Она растянула слово «видела», как будто эти окна все еще были перед ее глазами.

Отец промолчал. Мужчина то с удивлением наблюдал за движениями дочери, то смотрел на ее рисунок. Рисунок ребенка был копией их дома в Баку. Девочка перестала смотреть вдаль и посмотрела невинным взглядом в глаза отцу:

– Ты не ответил мне, папочка! – Она взобралась отцу на колени и посмотрела на свой рисунок: – Похож?

– Похож, дочка, очень похож! – он осторожно опустил ребенка с колен. – Но эти железные решетки лишние.

Он провел пальцем по широким окнам на рисунке. Он ушел в думы, будто увидел свой родной дом.

– Кто это, дочка? – он указал на женщину в белом, которая печально смотрела в окно.

– Кто, папа, здесь никого нет, – удивился ребенок. Она не нарисовала ничего, кроме дома и окна.

Он оторвал взгляд от рисунка и с удивлением посмотрел в лицо дочери... Точь-в-точь как теперь, когда он стоял во дворе, глядя в окна своей квартиры на четвертом этаже... Мать в белоснежной ночной рубашке стояла за окном и смотрела на него печальными глазами... Это была та самая женщина. Женщина, смотрящая с рисунка его дочери «Окна бабушки Фариды»...

10.01. - 21.01.2005 г.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Этибар Мурадханлы родился 1 декабря 1968 года в селе Калахан Лерикского района Азербайджанской Республики. В 1995 году окончил филологический факультет Бакинского Государственного Университета. До 2002 года работал в различных СМИ. Его романы, рассказы и повести публиковались в журналах «Улдуз», «Азербайджан», «Юрд» и др. С 2000 года член Союза писателей Азербайджана. Президентский стипендиат. Автор книг «Вы в осаде, лейтенант», «Студенческий отряд», «282-й человек», «Пленник пленника».